

Ю.М. РЕЗНИК, С.А. СМИРНОВ

ФИЛОСОФИЯ КАК АНТРОПОЛОГИЯ НАВИГАЦИИ ЧЕЛОВЕКА. САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФА. Часть 2 (18 июня 2019 г.)

Аннотация: В диалоге с Ю.М. Резником С.А. Смирнов предлагает свою версию философии человека в её неклассическом виде. Неклассичность понимается им как мышление философа от первого лица об онтологических пределах и в ситуации отсутствия готовых форм, норм и правил мышления. Сама практика философствования рассматривается как опыт поиска автором собственного, незаменимого никем места в бытии-мире. Она выстраивается в поисковой парадигме в отличие от доктринальной парадигмы, довлеющей к построению окончательных объектов и конструкторов мышления.

С.А. Смирнов называет свою версию философствования антропологической навигацией. Последняя предполагает выработку соответствующего инструментария, методов и средств построения личностной навигации. При этом меняется роль понятийного аппарата, который выполняет функцию не столько определенных, сколько указателей и ориентиров (путь, карта пути, антропоидный картоид, горизонт, событие, точка зрения, место, антропопрактики заботы и др.).

Abstract: In a dialogue with Yu. M. Reznik S. A. Smirnov offers his version of the philosophy of man in its non-classical form. Non-classicism is understood by him as the philosopher's first-person thinking about ontological limits and in the absence of ready-made forms, norms and rules of thinking. The very practice of philosophizing is considered as the experience of the author's search for his own, irreplaceable place in the being-world. It is built in the search paradigm in contrast to the doctrinal paradigm, which leads to the construction of final objects and constructs of thinking.

S. A. Smirnov calls his version of philosophizing anthropological navigation. The latter involves the development of appropriate tools, methods and means of building personal navigation. At the same time, the role of the conceptual apparatus changes, which performs the function not so much of definitions as of pointers and landmarks (path, path map, anthropoid cartoid, horizon,

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru;
Смирнов Сергей Алевтинович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU» (Новосибирск). E-mail: smirnoff1955@yandex.ru.

event, point of view, place, anthropopractices, etc.).

Ключевые слова: философское самоопределение, антропологическая навигация, путь, место в бытии, ориентирование, событие, классический и неклассический опыт философствования, горизонт, энергичный движитель, онтологический источник, антропопрактики заботы.

Keywords: philosophical self-determination, anthropological navigation, path, place in being, orientation, event, classical and non-classical experience of philosophizing, horizon, energy mover, ontological source, anthropopractices care.

Резник Юрий Михайлович: *Я продолжу задавать свои вопросы. И вот у меня постепенно вырисовывается такая дилемма. Вот есть «плохая» классика, от которой нужно отказываться, чтобы переходить к неклассике. Вот классика фундирована установкой на создание системы или системосозидание. Возьмите того же Т. Парсонса или других социальных теоретиков, например, П. Сорокина. Они в какой-то мере озабочены разворачиванием своей большой теории.*

А неклассика, насколько я смог убедиться, читая работы последних лет, — это такая концептуальная мозаика. Здесь нет некоей обязательности. Но мне, как автору, не хватает ни того, ни другого. Я не хочу быть системосозидателем, с одной стороны. С другой стороны, я не хочу, чтобы в голове у меня оставалась эта концептуальная мозаика. Мне хочется идти дальше, сделать свои выводы и дать свою трактовку того или иного феномена. В моем случае речь пойдет о феномене событий.

Характерной особенностью Ваших книг (а я имел возможность с ними познакомиться, и не с одной) является то, что Вы делаете заделы на будущее, используя концепции понравившихся Вам авторов. Так, Вы приводите в своей книге что-то о событиях из Хайдеггера, что-то из Бахтина. И где-то между строк сквозит ваша позиция. Я её, конечно, улавливаю, но она не до конца артикулирована, выражена. А мне хочется большего. Хочется, чтобы Вы представили своё понимание событий в отличие, скажем, от Хайдеггера или Бахтина. В чем оно заключается?

Смирнов Сергей Алевтинович: Хорошо. Спасибо. Когда Вы говорите о попытке систематизировать, то это же качели. Сначала делаешь поисковый ход, потом проводишь рефлексивную работу и отслаиваешь опыт и фиксируешь свой след. Потом снова ход, снова анализируешь, отслаиваешь и фиксируешь новый шаг. В этом смысле системосозидание все равно осуществляется, но задним числом, после того, как проделал определенную работу. Она не может быть головной: трудно представить ситуацию, что вот я сижу и строю свою новую систему антропологии. Это гроб, поскольку там живого нет опыта и живого голоса. Поэтому сначала шаг (и тут работает поисковый метод), а потом как результат рефлексивной работы этого шага отслаивается некое знание, которое ты получил. И тогда рождается, собственно, дискурс. Дискурса вне живого опыта быть не может.

Теперь, что касается события. Мне кажется, что категория события вне поисковой парадигмы в принципе не может работать. Она в доктринальной парадигме не работает. Поскольку событийность по определению всегда случается. Как там у поэта?

*Стихи не пишутся, случаются,
как чувства или же закат,
душа — слепая соучастница,
не написал — случилось так ...*

То есть, событие – это случай, который происходит. Но, заметьте, происходит тогда, когда ты рискуешь. Если не рискуешь, с тобой ничего по жизни и не случится. При поиске определений и доктрин события быть не может. Ты делаешь шаг и рискуешь – и только тогда попадаешь. Ты сначала помысли – и попадешь, вляпаешься в историю. А дальше будь готов к тому, что получишь.

В этом смысле событийности не может быть в доктринальной парадигме, но она может быть в поисковой. А дальше вопрос: смогу ли я, услышав других собеседников, этот многообразный опыт событийности как-то понять и адекватно описать? Вот здесь, возможно, какой-то залог не то, что системы, но какого-то знания, построения дискурса, возможен. И это знание, разумеется, надо выстраивать, но уже по поводу случившегося события.

И тогда практики событийности, с одной стороны, вытекают из метода работы, а с другой стороны – это, вообще-то говоря, дискурс. Вот А. Филиппов в социологии концепт события вводит в своем двухтомнике, если вы знаете. Есть разные варианты, не только, слава Богу, у Хайдеггера и Бахтина.

Что же касается моего отличия от Хайдеггера и Бахтина. Все-таки Хайдеггер не строил методологию навигации. Он отчасти все-таки онтологизировал событийность. Уж куда там, его ректорство в 1933 г., чем не событие? Вляпался! Это событие, которое до сих пор обсуждается, его «Черные тетради» сейчас публикуются. И сколько сейчас на этом кормится авторов – сотни и тысячи. Но получилось так, что, введя концепт события в 1930-х гг. в работе «Вклады в философию. От события», он не развернул его в определенную методологию навигации. Ну, он в этом и не нуждался.

А что касается Бахтина, то там, конечно, очень силен нравственный залог. Вот это понятие нудительности, понятие «не-алиби в бытии». У Бахтина-то там всё конкретно. Если ты, так сказать, не совершал и не совершил событийный поступок – тебя как бы и нет. И в этом смысле ты не человек. Там очень силен нравственно-религиозный залог, который был очень важен Михаилу Михайловичу. Но, заметьте, что и он сам тот еще был человек, весьма интересный. Всякий раз, уходящий от публичности и даже стиравший свою биографию. Просто сознательно стиравший. То есть стремящийся не быть, не стать событием. И в этом смысле старался быть в принципе невидимым, т.е. не событийным. И это, так сказать, отдельная вообще тема, когда сейчас обсуждается феномен Бахтина. А если переходить все-таки в методологический залог, то, что есть событие как концепт?

Первое, – это нарушение нормы. Второе, – переход границы. И третье – это случай, прецедент, который не тиражируется. И четвертое – это сознательный акт самоопределения: куда мне идти и что делать. В этом плане событие, конечно, отличается от случая и от происшествия. Событие в этом смысле меняет сам ход твоего движения. То есть, событийность начинается тогда, когда меняется, казалось бы, тебе понятный сценарий движения. Вот четыре признака.

Ю.М.: Спасибо. Конечно, можно привести вслед за Вами пятый и шестой признаки.

С.А.: Да, можем.

Ю.М.: Но меня всё время не покидает ощущение, когда я читаю Ваши тексты или слушаю сейчас, что Вы всё время чего-то не договариваете.

С.А.: Вы хотите, чтобы я всё сказал?

Ю.М.: Нет, Вы не ставите, видимо, точку. Это ваша принципиальная установка. Или хотя бы многоточие...

С.А.: Ну да. А как же, мы же про событие. А оно происходит. Точка ставится при формулировке определений, при поиске доктрины. А в поиске какая может быть точка?

Ю.М.: *Что не совсем обычным людям, не являющимся навигационными антропологами, очень свойственно.*

С.А.: Нет, они просто не потеряли детство. Надо быть большим ребенком.

Ю.М.: *Совершенно верно. Если можно, я продолжу формулировать свой вопрос. Так вот, уважаемый мой собеседник. Ваш человек полностью должен рассчитывать на себя. Хотя там, за ним где-то всё же маячит фигура антрополога, наблюдателя. И не только антрополога...*

С.А.: Собеседника.

Ю.М.: *Или собеседника. И у него в отличие от нашего человека есть некий движитель, который Вы определяете как «сцепку энергийной тяги и онтологической опоры в ином». В этом ещё надо отдельно разбираться. Суть-то, как мне представляется, здесь совсем другая — человек совершает онтологический прыжок благодаря тому, что рядом оказывается антрополог-навигатор. То есть он, собственно говоря, реализует событие, а его сценаристом выступает антрополог, хотя мне кажется, что картина гораздо сложнее.*

Но Вы совершенно исключаете роль каких-то объективных препятствий и факторов. Вот человек совершает под предводительством антрополога этот онтологический прыжок (выбор, поступок, событие) и мыслит, как вы говорите, себя. А потом берет и «вляпывается» в лужу или во что-то ещё хуже. Потому что мир непредсказуем. Он событиен, с одной стороны, а с другой стороны — непредсказуем. Ведь всегда можно куда-то «влипнуть» или «вляпаться». И вот в этой связи мне интересна роль самого антрополога. Наверное, Вы — гуманист или гуманистически мыслящий антрополог, если полагаете, что можете помочь человеку сделать свой выбор и совершить онтологический прыжок.

С.А.: Нет, я не гуманист.

Ю.М.: *Не гуманист. Ну, тем хуже для нас и для гуманизма. Если задача человека состоит в том, чтобы прокладывать путь к самому себе (здесь я цитирую Вас), к собственной личности, то при чем тут антрополог? Он, что ли, определяет, куда дальше идти человеку и как ему жить? Или, может быть, антрополог (я цитирую далее себя) «бежит впереди человека и расставляет на его пути метки или вешки, а человек, следуя его указанию, дальше идет уверенно, спокойно, потому что путь к иному ему уже предопределен». Вот такое у меня складывается впечатление (и это еще не конец моего вопроса).*

И чем такой антрополог (пусть неклассический или навигационный) лучше того антрополога, который пытается объяснить, что происходит с человеком, проникнуть в его природу, выстраивая по ходу систему категорий и концептов? Ваш же антрополог превращается, в отличие от того антрополога, которого Вы называете охотником за человеком-зверем, в «ловца человеческих душ». Ведь у него есть явное преимущество перед обычным человеком. Это, прежде всего, его навигационная методология. И он всегда может ею воспользоваться.

Так вот, если человек несет нравственную ответственность за своё бытие, проявляя заботу о себе, то зачем ему нужен навигационный антрополог? Какую роль он играет? Мне кажется, что Вы переходите грань дозволенного. И как бы нейтрально Вы ни относились к своему исследовательскому методу, Вы «вползааете» на территорию само-

го человека, нарушая его автономию. И этим Вы ничем не отличаетесь от пресловуемых социальных или человеческих инженеров. Вы просто порождаете новую инженерию, но в другом, более что ли привлекательном обличье. Попробуйте ответить на этот вопрос.

С.А.: Ну, естественно. Вы же провоцируете. Но смотрите, какая ситуация получается. Готовой территории жизни нет и быть не может. А какую там готовую территорию Вы тут придумали — я совершенно не понимаю. Второе. Антрополог, который занимается навигацией личностной, — ну, разумеется, не тренер. Боже упаси, никого он не тренирует. Но риски, разумеется, всегда есть. Даже ручкой можно убить. Любое орудие может стать оружием. В этом смысле риски при работе человека с человеком есть всегда. И здесь проверка всякий раз происходит здесь и теперь, что называется.

Мне ближе другая метафора. Я уже выше говорил об этом. Есть великий фильм Тарковского «Сталкер». Вот как действовал Сталкер? С одной стороны, он Зону знает, там неоднократно бывал. Но он никогда не знает, как Зона отреагирует на его новое действие, следующий шаг. Вдруг Писатель пошел не туда, и Зона отреагировала. В этом случае жизнь — это большая Зона, которая не известно, как отреагирует. И в этом смысле ты не имеешь права позволять себе запретные шаги, исходя из своей амбиции, спеси, тайного коварного желания и так далее.

То есть ты должен действовать предельно осторожно. Это даже сложнее, чем работать шерпом. Шерп, он, допустим, проводит тебя в Гималаи, но шерп знает тропинку, и поэтому он проводник. Сталкер — не проводник. Он рискует сам, но говорит: «Хочешь, давай вместе пойдём? Но я не знаю, как пойдём. У меня нет готовой карты пути».

В принципе, не может быть у новой жизни готовой карты жизни. Ну, по определению. У каждого человека есть своя карта жизни. Но она не может быть готовой. И если антрополог вдруг, надувая щеки, начинает предлагать ему готовую карту, надо его послать к чертовой матери. Чем иногда занимаются тьюторы, например, в школе? Вот они строят траекторию своим детишкам. Педагог-тьютор претендует как раз на то, чтобы помочь этому ребёночку выстроить его личностную траекторию. Ха-ха-ха. Извините, это всё лукавство. Никакой личностной траектории он ему не нарисует. Это лукавство чистой воды. Речь идет не о том, что некий внешний антрополог будет тебе выстраивать твою траекторию. Речь идет о том, что в тебе самом ты выстраиваешь своего антрополога-навигатора.

А поэтому. Во-первых, я в этом смысле не исследователь. Я исследователем буду тогда, когда буду описывать свой собственный опыт мышления и действия по этому поводу или опыт моего собеседника, который тоже пытается это делать. И тогда исследование возможно сугубо как личная рефлексия собственного опыта. А не в том смысле, что я там что-то ковыряю и исследование провожу. А потому всегда есть риск заблудиться. Ну, не туда пошел, ведь нет готовой траектории.

Другое дело — гораздо интереснее составлять карту твоего неизведанного маршрута. Жутко интересное занятие. Ну, потому что нет готовой территории. В отличие от того, что, например, есть карта города Москвы, а вот карта маршрута по Москве — это уже моя карта. Например, приезжает человек в незнакомый город. Что он делает? Его привезли, например, как чемодан, в гостиницу. Он решил на следующий день пойти по незнакомому городу. Выходит, а город, как джунгли. Так, что там? Ну, ладно, взял путеводитель на ресепшн. Что там? Кто его знает. Повертел. Ладно, пойдю так, наощупь. И начинает идти и по ходу ориентируется. С одной стороны, есть ре-

альный город, и есть, конечно, карта этого города. Но он в ней ничего не понимает, так как первый раз здесь. И он своими ногами начинает контур города вырезать, выстраивая свой маршрут на ощупь, и тем самым начинает его осваивать и присваивать себе тот кусок города, который прошел. И тогда вот этот кусок — это его город. И в этом смысле городов, конечно, намного больше, чем один, или чем число жителей. И вот это и есть движение навигатора, что гораздо интереснее, нежели обсуждать готовые карты.

Ю.М.: Но ведь очевидно, что Ваш человек нуждается в проводнике. И Вы ему предлагаете такого проводника, работающего на добровольных началах. Насколько его навигация является обязательной к исполнению? Или Вы полагаете, что любой взрослый человек непременно нуждается, если не в учителе, то в личном антропологе. И всё это мне напоминает (хотите Вы того или нет, Сергей Алевтинович), «профессорский» подход. Все-таки в Вас сидит где-то глубоко Ваша позиция профессора и поэтому Вы и человека представляете в виде условного студента. Такого студента, которого Вы при этом всячески восхваляете и поощряете к нужному Вам действию. Вы говорите ему, что он имеет право поступать так, как хочет, забывая о том, что он зачастую не может и не хочет поступать. Его давно зомбировали или перепрограммировали. Это исключительно для Вас он — беспомощный ученик, которого надо научить. В действительности же мы имеем дело с уже обработанным материалом. Над ним уже поработали другие.

Так что Ваш профессорский зуд никуда не денешь. И этот зуд, кстати, присутствует и в том образе антрополога, который Вы в своих книгах и тезисах нарисовали. Так вот я хочу спросить Вас: если человек заботится о себе (и это его призвание), строит свою систему координат, а о нем заботится навигационный антрополог, то кто же заботится в свою очередь о Вашем антропологе: Господь Бог, главный антрополог стражи или всего мира?

С.А.: А это кто у нас главный антрополог?

Ю.М.: Ну, не знаю. Вы можете собраться и назначить себе главного. Ведь без иерархии у нас не бывает. Даже в антропологическом сообществе. Я имею в виду навигационного антрополога, с его завышенными амбициями и с претензиями на избранность. Это снобизм, между прочим, как и профессорский зуд, — характерная черта антропологии навигации. Вот скажите теперь, а кто стоит за этим антропологом?

С.А.: Да никто. Он сам. Ну, смотрите, человек — это дитя, играющее дитя. Это ещё Гераклит знал. Так что, извините, если Вас смущает этот педагогический пафос, ну, давайте вспомним, как греки говорили об этих делах. Как раз желательно быть скромнее и перестать надувать щеки и вспоминать про детство, когда мир открыт, и ты каждый день делаешь открытие. Это нормально для человека. Как только ты действительно становишься, как Вы говорите, несмотря на обвинение, профессором, то тут привет, тут твоя навигация и закончилась, потому что ты перестаешь удивляться.

Вопрос как раз в том, чтобы оставаться в ситуации постоянного открывания и не спешить делать выводы, что ты всё уже по жизни понял и так далее. И дело не в том, что для меня люди — студенты. Для меня люди — живые собеседники, которые готовы удивляться. Извините, философия с этого начинается. И поэтому тут ничего профессорского. Это норма.

Вопрос в другом: когда мы перестаем удивляться, когда мы перестаем открывать и перестаем строить свою личностную навигацию, думая, что мы всё уже открыли и

всё, мы состоялись. Извините, у того же Юнга было четыре возраста. Жизнь человека не кончается взрослением — он и дальше живет. Более того, есть биография после смерти. Ну, и так далее. То есть вопрос про то, что почему-то возникает такое ощущение, что я там кого-то поучаю. Никого я не поучаю. Более того, для меня навигация — это мой личный опыт. Я согласен, что здесь сильно сквозит педагогический пафос. Но он возникает все равно тогда, когда я собеседнику предлагаю попробовать совершить это действие по собственной навигации. То есть я забочусь о том, чтобы он заботился о себе и наоборот. В этом смысле, а не в том смысле, что я забочусь, то есть поучаю. Да Боже упаси!

Ю.М.: Спасибо. Но есть и другой вопрос. Если представить себе, что круг тех людей, к которым Вы относитесь как навигатор или навигационный антрополог, достаточно узок, то можно ли распространять Ваш подход на всё человечество или хотя бы на какую-то его значительную часть? Другими словами, можно ли говорить об универсальности Вашего подхода?

С.А.: Когда В. фон Гумбольдт основывал Берлинский университет в начале XIX в., 1809 г., по-моему? Сейчас привычно все говорят о том, что там была построена модель классического университета, в основе которой — освоение основ наук, где профессор — ключевая фигура и т.д. А он говорил: «Коллеги! Господа! Главное — чтобы в этом пространстве была возможность для свободы и уединения. Чтобы студент имел возможность помыслить в свободе и уединении. А всё остальное — потом. Если этого пространства не будет — забудьте про университет. Никакого университета не будет. Потому что не будет мыслящих людей». Всё. Привет.

И в этом смысле, заметьте, профессура — это потом. Сначала речь идет все-таки про определенную антропопрактику заботы. Сначала надо поделаться, вот просто поделаться: порисовать, пописать, помыслить — как хотите. Побегать, попрыгать. У стоиков были разные упражнения по этому поводу. Там у них целый репертуар антропопрактик описан. А дальше вопрос: проделав опыт (не любой, а вполне определенный, опыт заботы о себе), его желательно помыслить. И тогда, собственно, начинается определенный дискурс, какое-то знание об этом, какое-то описание. И тогда можно обсуждать его, его можно передавать, можно по этому поводу книжки писать, учебники. Учебники тоже могут быть разные: есть плохой, скучный, есть учебник как задачник, как самоучитель — тоже нормально. В этом смысле хороших учебников, кстати, по философии нет. Где они? Есть хорошие учебники? Вопрос большой. Как только ты будешь писать учебник как умный профессор, то ты тогда получишь плохой учебник.

Поэтому это искусственное разделение. Профессор хорош тогда, когда он действительно готов быть собеседником, показывать пример, образец того, что значит мыслить, действовать от первого лица, а остальное — вслед за ним. И в этом смысле я не собираюсь никого осчастливливать, не дай Бог, думать о человечестве. Боже упаси, я не вождь. Я всегда говорю о личном опыте и предлагаю другому проделать то же самое.

Ю.М.: Спасибо. Но это же универсальное свойство любого взрослого человека. И, собственно, причем тут тогда философия и антропология? Более того, такая философия, претендующая на сопровождение и консультирование повседневных практик людей, уже имеет место в нашей стране. И даже создана целая ассоциация философов-практиков. Она, конечно, создана в Европе, но вот наш профессор Борисов из Челябинска и неко-

торые другие коллеги решили образовать такую ассоциацию или её отделение и у нас. И даже практикуют, проводят регулярные встречи и консультации, организовали «философское кафе» пр. Полагаю, что они даже не подозревают как близко оказались к Вам.

Следовательно, такая «практическая философия» уже институционально оформлена. Однако у неё пока немного сторонников, потому что не все философы готовы менять академическую трибуну на «хождение в народ». Они как-то не готовы еще к этому. И, возможно, им не нужно это делать. Я не знаю. Но не вырождается ли вот такого рода философия, которая рассчитана на очень избранный круг людей, разделяющих определенные ценности, в своего рода секту? Пусть философскую или окологосударственную, но все-таки секту. Как вы считаете?

С.А.: Она сектой становится, как только там появляется гуру и начинает учить. Я вообще не про это — я про антропопрактику личностной навигации, где двери принципиально открыты и гуру никакого нет. Вопрос в другом. Понимаешь ли ты, что предлагаешь? Знаешь ли ты мировой опыт? Знаешь ли ты, кто по этому поводу уже писал, сказал что-то? Что говорили про это древние греки, стоики и так далее? Что говорил про это Кант или Хайдеггер? То есть никто не отменял твоей компетенции. Ты должен знать, что происходит и что сказали по этому поводу другие до тебя, и как они этот опыт описывали и предлагали. В этом смысле это как раз, наоборот, требование: если ты предлагаешь кому-то заняться близким тебе делом — антропопрактикой, — ты должен понимать, кто уже занимался и занимается тоже тем же делом, и как он это понимает. В этом смысле это не секта.

Ю.М.: Хорошо. Вам не нравится слово «секта», я найду другое. Ну, не секта — так группа туристов, в которой всегда есть проводник или экскурсовод, или кто-то ещё в таком же роде. Вот мне Вы в своей позиции навигационного антрополога больше всего напоминаете такого экскурсовода. Во всяком случае туризмом у нас никто не запрещает заниматься. Разумеется, при наличии лицензии. Развейте мои предубеждения.

Следующий вопрос: кто отменял, с другой стороны, веками сложившийся институт «учитель-ученик»? Почему Вы так настороженно, отторгающе относитесь к учителю, мастеру, гуру, если хотите? Ведь на этом строятся многие восточные практики обучения. И они доказали свою жизнеспособность и эффективность во всём мире.

С.А.: Ну, вот опять двадцать пять. Гид ведёт туристов по знакомому ему городу, по готовому маршруту. Точка. Навигатор — совсем другое. У него нет готового маршрута, и не может быть.

Ю.М.: В группе туристов всегда есть неопределенность и непредсказуемость. И не всегда имеется четкий маршрут.

С.А.: Теперь про учительство. Так кто же против-то? Типы учителя и ученика в истории культуры, это тоже известно, описаны, они разные. Тип учителя у восточных мудрецов — это один. Например, у брахманов. Тип учителя в цеховых мастерских в Средние века — другой. Это мастер. Тип учителя во времена Сократа — третий, дразнящий собеседник, софист — четвертый, учитель-просветитель, дающий платные уроки — пятый. И так далее.

Вопрос не про это. А про то, что действительно сейчас какая ситуация с коммуникацией «учитель — ученик» и что происходит со школой как институцией? Со школой в широком смысле, высшей и средней, — не важно. Школа как институция является дисциплинарной структурой. И там доминирует модель школьного конвейера. Там, извините, поисковый метод не проходит. Там ты белая ворона, тебя там

отстреляют тут же. И максимум, что ты можешь себе позволить, – отстроить полигон внутри этой дисциплинарной структуры и иметь возможность пробовать внутри полигона, где можно пострелять. И в этом смысле, если полигон отстроен, то тогда есть шанс, что ты там можешь себе позволить поисковую работу. Если нет – тебя тут же отстреляют. В этом плане я не против модели «учитель – ученик». Я про адекватность и понимание рисков. Про тьюторов я уже сказал. Тьюторов придумали, а в школе им места просто нет и быть не может. Педагог как тьютор в школе работать не может. Какая там траектория? Там конвейер и расписание, и дисциплина, ЕГЭ сдавать надо и так далее. Я не против системы «учитель – ученик», но понимает ли учитель, на какой риск сам идет и предлагает рисковать ученику? Он должен это понимать и за это отвечать.

Ю.М.: *Поговорим теперь о роли технологий совершенствования человеческой природы. Еще раз подчёркиваю, что в Вашем понимании человек изначально дезорганизован и подвержен влиянию умных технологий. Он ведет себя как неразумное существо, а по сути – как ребенок, испытывающий постоянный соблазн перед новыми технологиями (новыми «игрушками») и передающий Другому, «взрослому» свои прежние функции, отказываясь тем самым от своей самости. Вот тут-то как раз и появляется на сцене Ваш навигационный антрополог, чтобы своевременно провести диагностику ситуации человека и помочь ему найти правильные ориентиры. На вооружении у такого антрополога имеются гуманитарные технологии, в т.ч. гуманитарная экспертиза, «связанная с перенормированием и пересмотром базовых опор или ориентиров».*

Другими словами, человеку как существу дезориентированному и находящемуся в ситуации неопределенности («плавающей границы» и пр.) предлагаются услуги по его самопреобразованию и, разумеется, при его непосредственном, хотя и пассивном участии. При этом он участвует в спектакле жизни, который за него придумали антропологи или эксперты, предлагающие ему эти «базовые опоры и ориентиры». Если следовать данному подходу, то трудно найти различие между так понимаемой гуманитарной экспертизой и социальной или человеческой инженерией, которую применяли (и применяют до сих пор) в самых неблагоприятных целях, в т.ч. в практике колониального управления или в деятельности крупных корпораций по «выжиманию пота» из наемных работников или с целью увеличения производительности труда и роста прибыли.

Неужели Вы, Сергей Алевтинович верите в гуманистический смысл любых технологий, применяемых к человеку, в т.ч. и гуманитарной экспертизы? Ведь Вы, желая того или нет, помогаете нынешним управленцам «вылавливать человекoв», т.е. в первую очередь тех, кто ещё сохранил своё личное достоинство и способен критически мыслить.

С.А.: *Жаль, что Вы свели весь пафос нашего разговора к технологиям и к тому, что я, якобы, как некий антрополог предлагаю очередную игрушку человеку, этакую замануху, и пытаюсь манипулировать им. Я говорил о ситуации дезориентации, в которую попал современный человек, поскольку он утерял базовые опоры и ориентиры. Но я не говорил, что я предлагаю ему же какие-то технологии спасения. Я предлагаю нам самим (как в свое время и М. Фуко восклицал) вспомнить самих себя, вспомнить базовые антропопрактики заботы о себе, восстановить их на новом уровне, в новой ситуации, и использовать умные гаджеты как ресурс развития, и не как средство порабощения, не становиться зависимыми от них. И поэтому я в своих работах предлагаю описание этой ситуации и свою версию преодоления дезориентации, то есть версию антропологической навигации. Заметьте, не технологии, а ант-*

ропопрактики заботы, практику навигации. Но готов ли человек в своей жизни идти на это рискованное дело, когда он переживает такой соблазн, идущий от умных технологий? Каждый отвечает сам, и строит ситуацию самоопределения сам.

Ю.М.: *Спасибо. Сергей Алевтинович, представьте, что здесь в зале никого нет, только мы вдвоем сидим и беседуем. И я Вас спрашиваю тет-а-тет: почему Вы употребляете так много выражений обыденной речи? Не означает ли это, что вот такой должна быть антропология: понятной, удобной, перевариваемой аудиторией, без всяких там философских изысков и измышлений? Но это риторический вопрос, не предполагающий ответа.*

С.А.: Я могу ответить.

Ю.М.: *Но можно и не отвечать. Продолжу дальше задавать свои вопросы. Вот чем больше я Вас читаю, слушаю, тем больше убеждаюсь в том, что Вы препарируете по-своему (очень искусно) различного рода концепты и вводите их в свою систему научных координат тогда и так, как Вам это удобно. Поэтому в Ваших тестах есть популярное изложение М. Хайдеггера, М.М. Бахтина, Б.Г. Юдина и других мыслителей.*

И я подхожу к вопросу: а, собственно говоря, когда Вы используете в очередной раз известные термины, например, «гуманитарная экспертиза» или «биоэтика», то Вы что-то имеете в виду новое или пытаетесь приспособить эти термины или разного рода практики, как Вы их называете, к системе собственных взглядов.

Последнее время я стал избегать терминов с прилагательным «гуманитарный» («гуманитарная помощь», «гуманитарное сотрудничество», «гуманитарное развитие», «гуманитарные технологии» и пр.). Они, как, например, «гуманитарные технологии» искажают смысл человеческого, низводя его до уровня манипулятивного воздействия на сознание и поведение людей. Гуманитарную помощь оказывают, как правило, тем народам или группам, которые хотят завоевать или использовать как сферу влияния, т.е. в данном случае подвергнуть такому воздействию. Исключение составляют гуманитарные науки (история, филология, искусствоведение и др.). Может быть, не случайно Б.Г. Юдин и другие известные специалисты по биоэтике ратовали больше за этическую экспертизу и стремились защитить человека от неблагоприятных факторов техногенной цивилизации, а также обеспечить его физическую и психологическую безопасность?

Использование термина «гуманитарный» в научной литературе и практике приводит, на мой взгляд, к различным коллизиям. Так, например, в свое время Хайек сделал критический анализ термина «социальный». Он говорил, что социальное, прилагаемое к любому другому слову (например, «социальное государство» или «социальная политика»), подобно существу (зверьку ласка), которое выедает содержимое яйца, пробивая в нём дырочку. С виду вроде бы политика, а на самом деле ничего там уже нет. Вроде бы, как и государство, но государства нет. Само социальное опутывает своего рода такой пуповиной всё то, к чему оно прилагается.

Вот так точно же происходит и с термином «гуманитарный». Не считаете ли Вы, что гуманитарные технологии на самом деле приносят не пользу, а вред человеку? Ведь, используя их, Вы человека делаете неприспособленным, подверженным влиянию умных технологий, и поэтому гуманитарная технология, которая якобы должна освободить его от социальных уз, от зависимости, на самом деле его ещё больше угнетает.

Поэтому я опасаясь гуманитарных технологий. Такие технологии в моём понимании — это всего лишь средства по работе с человеческим материалом, по преобразованию его в «мясо» или «мясной полуфабрикат». Другими словами, для того, чтобы превра-

тить человека в мясо (пушечное, варёное, виртуальное, какое либо иное), как раз и нужны технологии подобного рода. Но в любом случае, на выходе это будет уже не человек, а нечто другое – человекоподобное, зомбированное существо.

С.А.: Скажу честно, мне, конечно, не нравится это сочетание «гуманитарная экспертиза». Но другого нет, а новое придумать сложно. Я пытаюсь обсуждать «антропологическую экспертизу», но как-то тоже не тянет. О чем идет речь все-таки? Смотрите, есть еще «этическая экспертиза», вообще-то, понятие, которое уже известно. Покойный Б.Г. Юдин занимался этим, и у него у одного из немногих имеется попытка разведения практик этической экспертизы и гуманитарной экспертизы.

Чем они принципиально отличаются? Этическая экспертиза призвана к тому, чтобы заниматься защитой человека, который страдает от внедрения умных технологий, от той же цифры, от тех же гаджетов, от медицинского вмешательства и так далее. Вот этим занимается этический комитет. В медицинских учреждениях есть этические комитеты, которые, призваны заниматься этической проблематикой при проведении биомедицинских исследований. По принципу «не навреди».

Это давно известно. И после Второй мировой войны, когда приняли Нюрнбергский кодекс, там впервые ввели правило: «нельзя ставить опыты над человеком». До этого такого кодекса не было. Это то, чем занимается, собственно, этическая экспертиза. Это описано много раз и много лет в Европе, Америке, России.

Но теперь дальше. Ситуация сейчас усложнилась настолько, что не хватает уже практик и процедур этической экспертизы, описанных в кодексах, потому что сам человек меняет привычную ранее норму. Он сам радикально меняется. Возникает вопрос: кого защищать? Когда речь идет о защите? Когда нарушена норма: нужно защитить ребенка, мужчину, женщину, молодого человека, пожилого – не важно. И тогда будет процедура экспертизы, оценка влияния технологий на человека в разных его практиках. И тогда, имея нормы, кодексы, можно принять решение: нарушил – отвечай.

Когда же меняется сама норма, когда поплыли возрастные границы, гендерные границы, социальные границы, то мы стали терять, извините, человека. Человек вдруг оказывается, тоже исчезает. Он, конечно, не умер, но умирают наши привычные представления о нем. И тогда Б.Г. Юдин один из первых пытался ввести различие: гуманитарная экспертиза посвящена попытке осмыслить вот этот сдвиг перенормирования, когда сам человек подвергает себя такому радикальному изменению, что изменится норма, но он это сознательно делает. А вот представители трансгуманизма считают, что уход человека – это нормально. Мы скоро попадем в эпоху сингулярности и окажемся там уже в новом теле. То есть в этом смысле гуманитарная экспертиза мне не нравится, поскольку там много пафоса. Но пока другого концепта не выработано.

Ю.М.: *Сергей Алевтинович, представьте себе, что мы опять с Вами вдвоем, и я Вам говорю, что меня смущает также Ваша приверженность к иностранным словам. Вы всё время используете броские термины: «навигация», «форсайт», «форсайтные исследования».*

С.А.: Так русский язык такой.

Ю.М.: *Не стоит всё сваливать на скудость словарного запаса русского языка. В нём есть масса слов, которые не нужно переводить и наделять какими-то дополнительными значениями. Ну, например, те же форсайтные исследования, как известно, – это ни что иное, как исследование будущего, которые используются в экономике как один из ме-*

тодов сценарного прогнозирования социально-экономического развития. Почему обязательно какие-то вещи нужно нагружать иностранными терминами, которые имеют дополнительные значения и тянут за собой шлейф ненужных значений? Почему не просто говорить: «будущее человека» или «исследования будущего» и т.д.? Почему обязательно нужно вносить в дискурс какие-то непонятные слова? Это что, для пущей важности?

С.А.: Нет.

Ю.М.: Тогда для чего?

С.А.: Ну, скажу. С одной стороны, да, хочется говорить на нормальном естественном языке. Это понятно.

Ю.М.: То есть ничто человеческое Вам не чуждо.

С.А.: Нет, абсолютно. Ну, как В. Ерофеев написал «Москва – Петушки» и стал классиком. Но вопрос не в этом, а в том, чтобы найти адекватное слово, построить адекватный ситуации концепт. Чем мне интересен форсайт? Тем, что он отличен от прогноза. Будущее исследовать невозможно по определению, его нет. Его исследовать нельзя. Оно нам не дано.

Ю.М.: Но есть некоторые авторы, которые, извините, пишут об истории будущего.

С.А.: Врут или ошибаются.

Ю.М.: Врут. Да?

С.А.: Да. По определению. Будущее исследовать нельзя. Можно исследовать другое – наши представления и наши образы будущего. И тогда это про другое. Мы не будущее исследуем, а наши собственные представления о том, какие могут быть образы будущего. В этом смысле можно обсуждать практику конструирования образов будущего.

Вот форсайт про это. И в нём существуют определенные правила игры. Первое: будущее не выводимо из прошлого. Второе: будущее конструируется. Третье: между образами будущего идет борьба, конкуренция. Один считает, что завтра будет вот так, а другой – что завтра будет вот этак. И они конкуренты, эти образы конфликтуют. И тогда желательно садиться и договариваться. И практика форсайтинга – это есть практика конвенционального конструирования образов будущего в ситуации непредсказуемости, в ситуации разногласий и поиска согласия.

Ю.М.: Почему же тогда не называть вещи своими именами?

С.А.: Ну, я и называю. Прогноз не годится, поскольку будущее не прогнозируется, линейный прогноз перестал работать. Но, уже делая форсайты, сами форсайтеры видят, что, не успев сделать свой форсайт (вот этот нелинейный прогноз), он уже опоздал. Потому что мировая динамика очень мощная. Она тебе всякий раз показывает, что будущее – вот тут уже, вот оно. Ты не успел сделать, а оно уже там. А, тем более, в ситуации, когда речь идет о будущем человека. Гуманитарный форсайт в этом смысле, антропологический форсайт – штука вообще редкая. Доминирует в основном технологический форсайт, потому что там всё понятно. А вот что касается будущего человека – это самое тяжелое.

Ю.М.: Уважаемые коллеги, мы подходим к завершению нашей встречи. Задам предпоследний вопрос. На недавнем Вечере с Владимиром Соловьевым (10.06.19; <https://www.youtube.com/channel/UCPkDvaKV6u6FgM650A0pdCA>) поднимался вопрос о необходимости совершенствования человеческой природы. При этом несколько раз упоминались философы и Институт философии РАН. Кто-то из бывших военных сказал, что философы занимаются «болтологией». Высказывались также шутливые предложения о

том, что академическими институтами должны руководить полковники. Сам же ведущий Владимир Соловьев в этой связи даже привел шутку: «если Вы такие умные, то почему не ходите строем». Он высказался также в том духе, что сегодня нужно заниматься в первую очередь человеком, а не экономикой и технологиями. Конечно, кому, как не ему знать об этом.

Фактически нам философам брошен вызов. Чтобы Вы сказали этим горе-политологам в ответ на их претензии к философии и её отношению к совершенствованию человеческой природы? Может быть, Вы могли бы предложить свой ответ с учетом возможностей Вашей навигационной антропологии?

С.А.: Ну, первое, о реплике Соловьева. Он просто не знает ситуации в философии и строит свои сверхобобщения абсолютно безответственно, не будучи специалистом. Потому что междисциплинарных разнообразных проектов много, в т.ч. есть и международные проекты, в которых я участвую периодически, и это нормально.

Однако, вопрос же не просто в этой реплике Соловьева, а том, что действительно философия перестает быть сугубо академической, закрытой. Философы могут найти себе место в самых разных проектах, и не только научных. Вот у нас в Новосибирске сейчас ситуация актуальная. Был Академгородок М.А. Лаврентьева. Этот проект реализован. Точка. Прошло 60 лет. Это был Академгородок 1.0, что называется. А вот Академгородок 2.0 – это про что? Никто пока не знает.

Ю.М.: А Академгородок 3.0?

С.А.: Еще рано. Но уже заявлено, и Президент это поддержал, что нужно делать новый Академгородок. И либо нас, ученых, извините, закроют, потому что мы никому не нужны, либо давайте Академгородок 2.0 делайте, т.е. есть городок после Лаврентьева. Предлагайте проект. И тогда возникает очень серьезный вызов и для философов. Если вы такие умные, то предложите свой проект. Это реально актуальная проблема и вызов. Не будет предложено – Москва решит сама, как быть с городком дальше. А это судьба десятков институтов, тысяч сотрудников и т.д. Либо они будут продолжать выпрашивать деньги на занятия наукой за казенный счет, либо все-таки будет предложено какое-то новое видение, концептуально проработанное и обоснованное, в т.ч. обоснованное по деньгам.

Ю.М.: Вы думаете, что проблема недостаточной востребованности философа заключается лишь в его узкой специализации?

С.А.: Ну почему же. Он может быть по-своему востребован: писать заявки в РФФИ, выступать на конференциях и т.д. Тут проблема в другом. В том, что у каждого исследователя своя ниша, своя лунка. И философы, так сказать, по своим кабинетам расписаны. Это один привычный подход. И пусть будет и так. Но вопрос ведь в другом. В том, чтобы пытаться слышать этот вызов и включаться в какие-то серьезные амбициозные проекты, где ты сам дефицитен. И при этом у тебя нет готового рецепта, но ты готов попробовать. Это чистой воды антропологическая работа. Потому что ты начинаешь работать с людьми, выстраивать коммуникации, сообщества, выходить за привычные границы и представления. Когда твои книжки перестают работать, надо выстраивать эффективные коммуникации и быть готовым, что тебя будут бить.

Ю.М.: Слушайте, но у философов на этом поприще имеется столько конкурентов: всякого рода политологи, маркетологи, специалисты по деловым коммуникациям и пр. Куда ещё им встраиваться, когда и без них хватает всякого рода авантюристов?

С.А.: Конечно. Но все эти маркетологи занимаются, извините, бизнесом. Для них человек – это тоже ресурс, который продается и покупается, используется и сжигается и пр. Вот и вся, извините, их антропология.

Ю.М.: Ну так Вы попробуйте доказать, что Ваша антропология лучше и может противостоять официальной, академической антропологии.

С.А.: Да, я так и делаю. Я сам самоопределяюсь, сам себе заказываю и сам выполняю проект.

Ю.М.: Спасибо. До скорых встреч.

С.А.: Спасибо большое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М. Антропологический манифест С.А. Смирнова (рефлексивные заметки) // Человек. RU. – 2018. – № 13. – С. 165-175.
2. Смирнов С.А. Форсайт человека: Опыты по неклассической философии человека. – Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2015. – 660 с.
3. Смирнов С.А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. – Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016. – 438 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Reznik Yu. M. Antropologicheskii manifest S. A. Smirnova (refleksivnye zametki) // Chelovek. RU. – 2018. – № 13. – S. 165-175.
2. Smirnov S. A. Forsayt cheloveka: Opyty po neklassicheskoy filosofii cheloveka. – Novosibirsk: ZAO IPP «Ofset», 2015. – 660 s.
3. Smirnov S. A. Antropologicheskii navigator. K sobyitiynoy ontologii cheloveka. – Novosibirsk: OOO «Ofset-TM», 2016. – 438 s.

Поступила в редакцию 08.07.2019 г. (№ 2372)